

Появление в зоне истца девушки в костюме горничной породило очередную волну удивлённых вздохов среди зрителей и причиной тому далеко не её без сомнения выдающаяся внешность, а сам факт прислуги, имевшей наглость выступить в верховном суде с претензиями.

Дочь графа или раб?

Совершенно иррациональный случай.

До сего момента даже не было прецедентов, когда помутившийся головой простолюдин метил в аристократы, но смысл обратного действия не мог понять никто. Зачем особе, теоретически благородных кровей, требовать вернуть ей низший в королевстве статус.

Анриетта Пола Картан или, что более привычно – Юни.

(Восхищена её стремлением вернуться к Талесу.)

Подумала Симона Месьер Понтабан, а ныне Обениэль.

Желание, перевешивающее на чаше весов удобства, даруемые жизнью благородного. На протяжении всего заседания она не проявила никаких видимых эмоций и всё же женская интуиция подсказывала Симоне о верности выдвинутого ею предположения.

“Куда я попал? Столько прелюдий и помпезности ради какого – то раба?”

Изрыгал проклятия Линус. Похоже его неприязнь к брату распространялась и на всю собственность Талеса.

Настойчивость, причины которой оставались тайной для Симоны.

Допустим, много лет назад его прозвали мясником, с особой жестокостью пытающим рабов. Однако, сейчас она видела перед собой исключительно парня, мастерски управляющегося с территорией, выделенной ему старшим братом. По мнению Симоны, Талес уже перевернул тёмный лист в своей биографии.

Тем удивительнее граничащая с паранойей уверенность Линуса, будто его брат лишь притворяется. Не имея доказательств, он всё равно не терял надежды раскрыть некий ‘дьявольский’ заговор. Почему – то ситуация, где Талес повзрослел и вместе с тем стал другим человеком не рассматривалась в принципе.

Если есть подозрения касательно чьей – то деятельности – обратиться в верховный суд с запросом о проведении расследования. Насколько известно Симоне, второй сын Обениэль кристально чист. Выбранные им чиновники отлично справляются со своими обязанностями, а

поля приносят стабильный урожай. Плюс, не так давно обнаруженный рудник освоен и активно разрабатывается. Пожалуй, единственная запинка, присутствующая в победоносном шествии Талеса – не до конца решенная проблема с обеспечением деревень водой, что, несомненно, временно.

В общем, с точки зрения Симоны её супруг просто заикнулся на необоснованной ничем идее поймать брата за руку.

Более того, теперь он ещё и дулся на раба Талеса - очень взрослое поведение.

(Мда, мне могла бы достаться и пара получше...)

Тихонько вздохнула она.

Да, Линус образован, при желании умеет вести себя и даже внешне вполне привлекателен. К сожалению, все положительные черты с лихвой перечёркивает отсутствие самоконтроля и уже упомянутая ранее маниакальная подозрительность, что вкупе с незатухающей ненавистью к брату делает его не слишком комфортным для сожительства партнёром.

(Наверное, всё лучшее отошло Талесу.)

Впрочем, вслух подобное Симона сказать бы не осмелилась.

Вероятнее всего она попросту излишне романтизировала образ Талеса как юноши всеми силами старающегося исправить былые ошибки. Того, кто терпеливо выслушивал её эгоистичные причитания. Таким образом, Симона всё чаще бессознательно сравнивала двух братьев. Дальше больше – Талес, бросивший вызов главному кукловоду и разыгравшаяся в суде драма, целью которой выступало возвращение слуги. Не удивительно, что подобного рода история затронула определённые струны в сердце женщины.

Как – то сама собой проскользнула мысль о возможности выбора между братьями. При его наличии, Симона с радостью вышла бы за Талеса.

-Интересно как бы изменилось её мнение, узнай она истинную натуру Талеса и дальнейший план его действий.

(Как же я тебя понимаю...)

Блуждающий взгляд Симоны вернулся к фигурке, готовящейся выступить, Юни.

Линус и Картан. Оба графы, пускай и со значительной разницей в возрасте. Она не могла не сочувствовать Юни, мысленно поддерживая её желание сбежать.

“Какие прогнозы?”

“У меня нет оправданий для графа Картан, но ты только посмотри на маркиза Лаваллье. Держу пари, там ещё полно не разыгранных козырей. Не знаю уж на что надеется Талес, победа ему не светит.”

Всё также изрыгал желчь Линус, пока Симона мысленно молилась за младшего из Обениэль.

(Боже, царь небесный и наш спаситель... пожалуйста, защити их. Неужели эта пара распадется под гнётом грязной клеветы?)

Повторяла она про себя, хотя раньше никогда не испытывала особый пиетет к религии.

...Увы, увы. Ни одну из столкнувшихся сторон нельзя было назвать хоть сколько – то невинной.

Симона молилась за парня и его слугу, чьи имена проклинали сотни погубленных ими людей и прочих существ.

“Оригинально. Многоуважаемый виконт переутомился и подменил себя рабом?”

Ухмыльнулся маркиз Лаваллье.

Юни потребовалось призвать всю её выдержку, чтобы тут же не свернуть шею этому наглецу. Сегодняшний суд являлся последствием её несдержанности, недопустимо вновь подвести господина.

“То есть, вы подтверждаете, что никакой Анриетты Полы Картан в данный момент в помещении не присутствует?”

“Ни в коем случае, вы некорректно трактовали мои слова. Лишь сэр Талес называет её рабом, поэтому и я применил термин дабы избежать путаницы. Прошу прощения, по - видимому моя задумка не увенчалась успехом.”

Пожал плечами маркиз.

Другими словами, он перенял тактику противника, провоцируя Талеса подобному тому, как протекал их недавний разговор с графом Картан.

“Признаться, я несколько растерян. Молодой человек, столь преуспевший в риторике,

внезапно просит замену.”

“Не менее странно, чем активное вмешательство в ход дела независимого наблюдателя.”

Не вставая с места парировал Талес.

“Если забыли – я был вызван сюда в принудительном порядке. Ключевым истцом в заседании выступает мадам Жозефина, вызвавшая Юни в роли свидетеля. Верно? Получается, её показания имеют какой – никакой вес, что возвращает нас к исходному вопросу – существуют ли нечто, мешающее ей выступить?”

“Никаких возражений, просто полюбопытствовал.”

Со смешком откинулся на спинку стула маркиз.

Вместе с тем молоток судьи нанёс удар по столу.

“Истец, прошу озвучить ваши претензии к обвиняемому.”

“Да, ваша честь.”

Отвесила глубокий поклон Юни.

“Позвольте представиться. Моё имя Юни и хотя сейчас ошейник на моей шее отсутствует, я – раб.”

По числу неожиданных поворотов сегодняшний суд превзошёл любую из драматических постановок.

“Раб? Мне ведь не послышалось?”

“Вот это да...”

“Если она не врёт, то... ладно, не важно.”

И почему это заявление каждый раз вызывает ажиотаж? Юни никак не могла взять в толк, что плохого в услужении любимому господину.

“Неделю назад мой господин, Талес Шернан Обениэль, присутствовал на свадьбе Линуса Штрейн Обениэль, его брата. Также среди гостей числился граф Пьер Симон Картан--”

подавляя чересчур знакомое раздражение, закончила с вводной частью она.

“Постой, Анриетта... хватит говорить обо мне как о незнакомце...”

Благополучно проигнорировав срывающиеся на шёпот увещевания обозначенного ранее лица.

“-Встреченного мною впервые. Граф утверждал, будто я его давно утерянная дочь, прижитая от любовницы.”

“Думаете граф обознался?”

“К сожалению, я неоднократно пыталась обозначить свою позицию как раба по имени Юни, не имеющего связей с Анриеттой Полой Картан. Однако, всё равно была насильно вывезена в его имение.”

Число взглядов, пропитанных в той или иной степени негативом, направленных на графа прибавилось.

Сам же обвиняемый то краснел, то бледнел, но молчал, как и маркиз.

“Уверенность графа в собственной правоте не померкла и после. Не желая разгневать графа, я старалась вести себя предельно вежливо, чем возможно подкрепила придуманный им образ, за что прошу прощения у семьи Картан.”

“Ох? Получается, будучи рабом, вы в прямом смысле обманывали человека куда выше вас рангом с целью получения определённых выгод?”

Не упустил возможности маркиз подколоть Юни.

“Возражаю. Маркиз оказывает давление на свидетеля, к тому же намекая на неблагоприятный исход для одного в случае победы истца.”

Ответил ему Талес.

“Принимается.”

“Хорошо... ваша честь. Я понял.”

Ретировался маркиз, правда лишь выжидая момент для следующей атаки.

“Ещё хотелось бы заметить, что если маркиз продолжит настаивать на озвученной им версии, то главным виновником по – прежнему остаётся граф Картан, заставивший Юни притворяться мисс Анриеттой. Конечно, как её господин, я несу определённую ответственность за действия слуги... поэтому официально заявляю, Марлан готов компенсировать моральные и материальные неудобства, понесённые затронутыми лицами.”

Талес нивелировал подозрения касательно корыстного умысла Юни обещанием возместить ресурсы какого – либо толка.

“...Я продолжу, если позволите. Мадам Жозефина прибыла сюда для содействия в моём стремлении справедливо оценить поступки графа. Как видите, я всего – лишь раб, ошибочно принятый им за утерянную дочь. Смиренно прошу рассмотреть мою просьбу о возвращении к законному господину и на сим заканчиваю свою речь.”

Приободрённая взглядом Талеса, поставила точку в списке претензий к ‘похитителю’ Юни.

Поразительное количество слов для той, кто всегда яро придерживался краткости в повествовании. Но не успела Юни перевести дыхание, как её сердце тревожно ёкнуло – скоро придёт черёд выступать маркизу. Впрочем, сейчас главное стиснуть зубы и стерпеть, что бы он там не сказал. Всё ради возвращения к господину.

“Суд вас услышал. Слово передаётся графу Картан.”

“Кхем, ваша честь, не сочтите за наглость, позвольте мне провести перекрёстный допрос вместо приболевшего графа.”

“Если сам граф не против.”

Мимолётно улыбнувшись, маркиз уверенной походкой двинулся вперёд.

“Мисс Анриетта, вы не возражаете?”

“Возражаю. Моё имя – Юни.”

Она увернулась от первой ловушки, не сказав ‘да’.

Словесные пикировки – целиком и полностью территория маркиза. Если цель оправдывает средства, то зачем играть по правилам?

“Возражение отклонено. Мы собрались здесь для установления истины.”

“Конечно, ваша честь, мои извинения.”

Во второй раз поклонилась Юни. По – крайней мере теперь маркиз не сможет использовать её имя как рычаг давления.

“В таком случае, я продолжу обращаться к вам как мисс Анриетта. Это приемлемо, мисс Анриетта?”

Привычно ухмыльнувшись, усилил напор маркиз.

Получив одобрение судьи, он старательно бил в одно и то же место. Отвратительнейший старик. Возможно он пытается выудить из неё даже не слова, а эмоции, прочитать мимику? Впредь необходимо тщательней обдумывать каждое движение.

Она кивнула.

“Прекрасно... Мисс Анриетта, когда вы познакомились с сэром Талесом?”

“Одиннадцать лет назад.”

“Интересное совпадение. Одиннадцать лет назад пропала мисс Анриетта, а вы, так сказать, появились на людях.”

“Такое бывает.”

“Кстати, дочь графа также отличалась зелёными глазами и насыщенно чёрными волосами.”

“Как и множество женщин, населяющих Брюссон.”

“Поправьте если ошибаюсь, но вы весьма сведущи в магических вопросах, что ожидаемо от дочери придворного мага.”

“Да, это не самый распространённый случай, тем не менее, в семьях простолюдинов и раньше рождались дети с высоким магическим потенциалом.”

Зачастую магический талант передавался по наследству, но существовали и неоднократно зафиксированные случаи мутации, когда среди родителей одарённых не было.

По сути, большинство рабов Талеса происходило из вот таких не огранённых алмазов, выброшенных на невольничий рынок.

“Давайте говорить на чистоту. У вас с мисс Анриеттой слишком много схожих черт. Утверждаете, что это чудесное совпадение?”

“Поэтому маркиз и пришёл к ошибочным выводам.”

Маркиз не повышал голос, не спешил, тщательно окутывая жертву паутиной со всех сторон.

Вероятно ждал того самого момента, дабы завершить игру одним ходом.

“—Что ж, придётся пойти окольными путями.”

Уголки глаз маркиза опасно прищурились.

Зал окончательно затих под гнѐтом нарастающего напряжения.

“Расскажите нам о Талесе Шернан Обениэль, вашем ‘господине’?”

“Я безмерно уважаю господина, мне никогда не удастся вернуть ему долг за всю доброту им подаренную.”

Рефлекторно выпалила Юни, не успев толком прикусить язык.

Почему? Почему он вдруг заинтересовался личностью господина?

“А довольно нелिцеприятные слухи, витающие вокруг виконта, они вас не смущают?”

“...!”

Маркиз даже не пытался хитрить, прямым текстом говоря: 'ты отрицаешь свои корни из – за любви к господину'. Конечно Юни с радостью подтвердила бы подтверждение маркиза, вот только как отреагирует на это собравшаяся знать?

Старик вѐл их беседу к вполне определённомu выводу.

‘Служба господину для меня приоритетней самоопределения.’

Чем больше Юни говорит о лояльности по отношению к Талесу, тем очевиднее для всех становится её первостепенное желание.

Нужны ли дополнительные доказательства?

Получается, вне зависимости от её личности, судья может предположить, что она даёт ложные показания, помогая Талесу.

При лучшем для маркиза раскладе в ней опознают Анриетту Полу Картан, фанатично служащую Талесу на протяжении одиннадцати лет.

Что, к несчастью, недалеко от правды. В конце концов, она действительно носила это имя. С точки зрения Юни, девочка Анриетта, не пережив духовный крах, уступила место новой личности, но все её рассуждения для посторонних покажутся лишь психическим отклонением.

“...Не смущают, маркиз Лаваллье.”

Всё же подтвердила его слова Юни.

Тянуть время - значит усугублять ситуацию. Маркиз не строит догадки, а аккуратно и неизбежно загоняет её в угол.

Наилучшей опцией для Юни будет отвечать честно пока не выпадет шанс перехватить инициативу.

“Зачем мне идти на поводу у посторонних людей. Напротив, долг слуги всячески помогать господину, прикрывая его уязвимые стороны.”

“...Ахаха!”

Внезапно рассмеялся маркиз. Впервые они разговаривали лицом к лицу. Неужели старик принял её за дуру, планируя раскатать первыми же вопросами?

“Похвально, похвально! Рад, что среди молодёжи ещё остались люди с принципами.”

“...вы очень добры, маркиз.”

“Но достоин ли сэр Талес подобной преданности?”

“Безусловно, мой господин самый удивительный--”

Начала Юни.

Если он так хочет услышать поток банальностей, она готова помочь.

Возможно маркиз не поймёт заложенного ею послания сразу... Юни никогда не простит того, кто хотя бы помыслил о нападении на её господина.

“-и я была бы счастлива служить ему до самой смерти.”

...Даже если та наступит от её собственных рук.

“...Юни.”

Услышала она шёпот Талеса.

Они пообещали друг другу.

Но пока же необходимо сосредоточиться на допросе, исход которого решит изворотливость маркиза, либо сила воли Юни.

Никто не собирался проигрывать, однако, если всё закончится плохо... она подтвердила, что пожертвует собой если то потребуется.

(Господин, вам не нужно просить.)

Кому как не ей известен страх Талеса перед смертью, тесно переплетённый с мечтой о бессмертии. Собственно отсюда избегание им конфликтных и тем более сопряжённых с насилием ситуаций. Даже без её подтверждения, при малейшем намёке на опасность он инициирует запуск плана Д. Плана – капитуляции, подразумевающего смерть Юни.

Тем не менее, она с гордостью принимала предначертанную ей судьбу.

Хотела, чтобы он знал. Знал, что она благодарна за всё.

“...Маркиз, не соизволите ли перефразировать вопрос?”

“Хе, хе...”

Во второй раз посмеялся в голос старик. Интересно о чём он думает?

Сколь же отвратительны его повадки и выбор момента для этих смешков. Но, опять же разница в положении не давала ей права отчитать оппонента. А уж если вспомнить как часто он

вставлял палки в колёса господину... Юни с превеликим удовольствием вырвала бы ему пару конечностей.

“Ваша честь, похоже в женском сердце не осталось место ничему кроме преданности сэру Талесу. Интересно, виной тому одиннадцать лет дрессировки?”

“Вопрос отклонён как не имеющий отношения к делу.”

“Подождите, ваша честь, не так быстро. У меня создалось впечатление, будто за проведённые вместе годы сэр Талес буквально вылепил из мисс идеальную слугу. К чему веду, независимо от того имеет ли отношение свидетель к дочери графа...”

Не переставая хмыкать, старый лис всё плотнее стягивал кокон.

“Моей целью было показать вам мисс Анриетту как человека. Дальше уже делайте выводы сами.”

“Заявление принимается, вы хотите что – то добавить или пригласить свидетелей?”

Юни вздрогнула. Где бы ему найти свидетелей, учитывая поспешность в организации процесса.

Суд случился стараниями графини, прошедшей процедуру промывки, маркиз не то что не должен был иметь запасной план, он в принципе не мог спрогнозировать подобное.

“Да, я нашёл человека, готового подтвердить личность мисс Анриетты. Поймите правильно, учитывая щекотливость ситуации, ради благополучия графа мне пришлось подстраховаться и провести расследование.”

Сказал старик, изобразив для Юни самую невинную из заготовленного им арсенала улыбок.

“Ваша честь, есть ли вера девушке, переступившей через родственные связи в слепой вере в сэра Талеса.”

Юни оставалась неподвижной. Не поддаваться на провокации. Она не попадётся в ловушку маркиза.

“Вы всё ещё не предоставили весомых доказательств озвученному.”

“Позвольте пригласить свидетеля?”

“Конечно. Приглашайте.”

Согласно сигналу судьи, один из помощников скрылся за дверью соседней комнаты.

Мысли стремительно сменяли друг друга в голове Юни.

Маркиз напирал на достоверность имеющихся у него сведений. Так откуда информация? Кто раскрыл ему секрет прошлой оболочки Юни?

В ту ночь мадам Жозефина якобы увидела призрак прошлого, но этого опять же недостаточно.

Дверь медленно отворилась.

В зале появился всамделишный призрак.

“Ам...”

“Невозможно!”

Одновременно воскликнули уложенный на лопатки Талесом граф и все ещё одурманенная препаратами Жозефина.

Их взгляды прилипли к новому действующему лицу. Висящие патлами, наполовину поседевшие, чёрные волосы, впалые щёки и поблекшие от истощения некогда зелёные глаза. Выцветшая и местами потрескавшаяся кожа. Что удивительно, несмотря на все эти внешние ‘увечья’, в облике вошедшей в зал женщины ещё просматривались следы её былой красоты. Чем – то неуловимо напоминающей Юни.

“...Она же?”

“Граф Картан, вам определённо виднее.”

В который раз хмыкнув, подметил маркиз.

“Анна Мария! Ты жива! Всё это время...!”

Резко прибавил в громкости обвиняемый.

С текущими по щекам слезами, женщина подняла голову, растерянно посмотрев по сторонам.

Звук на грани слышимости, сорвавшийся с её губ.

Умей присутствующие, как Юни, читать по губам – они бы расшифровали произнесённое ей слово, точнее, имя.

“Пьер...”

Она обратилась к нему напрямую, без титулов.

Да, время её не пощадило, так что даже приблизительный возраст женщины определялся с трудом, но...

Как и сказал граф, пред ними явился уже второй призрак прошлого.

(Она жива...)

Всё же удивлённо вздохнула Юни, на мгновение отрешившись от реальности.

Кадры, затерявшиеся в тумане. Бандиты, истязавшие Анну – Марию пока та не перестала двигаться. Жозефина, вымещавшая остатки гнева на следующей по очереди цели.

(Как она выжила...)

Возможно ли, что наёмники утратили интерес к Анне – Марии, когда та просто лишилась сознания.

Погибни она в тот день и ей бы не пришлось пережить все те испытания, оставившие яркий след на каждой части тела женщины. А главное, она бы не встала на пути у её господина.

Не отрывая глаз от той, кто превратил её жизнь в ад, Анна – Мария прихрамывая добралась до свидетельской зоны.

“Она... жива... мать...”

“Мадам.”

Приструнил Жозефину Талес пока та не наговорила глупостей. Что это? Проявление материнской солидарности? Тем временем Юни в очередной раз пожалела о остром дефиците заготовленных ею препаратов в связи с ограничением по времени.

“Цитируя графа, позвольте вам представить мать мисс Анриетты – Анну – Марию. Граф, я же не ошибся?”

Буквально излучая самодовольство, вышагивал по залу маркиз.

“В-возражаю!”

Вскочила со стула мадам Жозефина.

“Где в первую очередь доказательства, что эта нищенка та, за кого вы её выдаёте?”

(Бесполезно).

Уже чуть ли не обречённо подумала Юни.

“Возражение отклонено. Суд намерен выслушать свидетеля прежде чем делать какие – либо выводы.”

Теперь то махинации маркиза приняли подлинную глубину.

Он молча принял показания горничных – простолюдинок, таким образом снизив ‘ценз’ проверки выступлений. Иначе же – первоначальный иск мадам Жозефины терял всякую почву под ногами.

Лаваллье тщательнейшим образом готовил сцену для выхода смертельного оружия. К тому же, само присутствие в зале Анны – Марии влияло на психику Жозефины самым пагубным образом, вытаскивая наружу её потаённые кошмары.

“Жо – зе... фина...”

Визг

“Ты, о... пять...”

Не упокоенный дух восстал из мёртвых, дабы отомстить.

Её натужные хрипы с трудом достигали слуха мадам Жозефина, но теперь, кажется, застряли там навечно.

Послышался грохот, графиня покачнулась, задев ножку стула. Сцена, вызывающая острый

приступ дежавю.

“Верни... мою... мою... дочь...”

“Н-не... подходи ко мне!!”

Жозефина дрожала, обхватив голову руками, пока Анна – Мария с трудом шаркала ногами от стойки свидетеля.

Кажется, помимо двух женщин, все присутствующие в зале обратились в неподвижный камень. Граф Картан, совсем недавно радующийся как ребёнок, покраснел от напряжения, всё же боясь сделать шаг навстречу любовнице. Что уж говорить, даже маркиз Лаваллье, подстроивший воссоединение семьи, не спешил вмешиваться, как и судья, завороченно наблюдавший за происходящим с занесённым над столом молотком.

“Верни... дитя!”

Вернуть? Что она под этим подразумевает? Она принадлежит Талесу и только ему. Юни утратила все связи с семьёй одиннадцать лет назад. В какой – то мере она благодарна матери за то, что та родила её, дав возможность служить господину, но позволить вмешаться? Очевидно, любой вставший на пути между ней и Талес будет устранён.

При всей отвратительности поступка Жозефины, какое право Анна – Мария имеет что – то требовать? Если бы не её глупые мечты о ‘браке’, она бы и не попала в ловушку врага.

В общем, после встречи с матерью Юни чувствовала лишь одно – разочарование.

“Юни, не сейчас.”

Сделал ей замечание Талес, видимо заметивший покрасневшие от гнева щёки девушки.

“Зря ты её с мусором мешаешь.”

Продолжил он говорить, встав рядом, пока внимание всех присутствующих приковала к себе обезумевшая Анна – Мария.

“Ам?”

Растерялась Юни.

Почему? Он же сам всегда настаивал на скорейшей нейтрализации препятствий, даже если в

их жилах течёт одна кровь.

“Ваша честь. При всём уважении, вызванный свидетель мало походит на вменяемого человека. Можно ли для общей безопасности поскорее закончить с допросом и выпроводить её наружу.”

Поднял руку Талес, отвлекая Юни от терзавших слугу противоречий.

“Принято. Тишина в зале! Свидетель, мы готовы вас выслушать.”

Удар молотка вернул на свои места графа Картан и маркиза, оставив Анну – Марию одну.

Тем не менее, женщина всё также не отводила пропитанного чистейшей ненавистью взгляда от Жозефины... или нет?

Юни кое – что подметила.

Неужели она...

“...Моё почтение, сэр Талес. Похоже без ваших своевременных комментариев мы бы сидели здесь до завтрашнего утра.”

“Нет, нет, я просто хочу, чтобы это наконец закончилось. Не люблю попусту тратить время.”

Картинно потёр левый глаз Талес, как бы пытаясь отогнать одолевающую его скуку.

Дело действительно двинулось с мёртвой точки, Анна – Мария приготовилась говорить.

“Я... одиннадцать лет назад меня изгнали из семьи Пье... графа Картан. Разделили с дочерью... но мне удалось найти приют в трущобах.”

“А после вас нашёл маркиз Лаваллье?”

Кивнула она в ответ на вопрос, заданный Талесом.

“Предположу, что узнав о испытаниях, выпавших на вашу долю, маркиз предложил вам ‘протекцию’. Только зачем держать всё в тайне? Вернувшись к графу, вы в худшем случае встретились бы с равнодушием, а в лучшем воссоединились бы с близким, который с радостью простит любые ваши вынужденные прегрешения. Не так ли, граф?”

“Да... Маркиз, почему же вы...”

“Хо хо. Ну, ни для кого не секрет насколько ревностно мадам Жозефина охраняет покой супруга. Боюсь Анне – Марии вновь не нашлось бы места в этом треугольнике. Поэтому, я постарался добиться более реальной цели – воссоединения матери с ребёнком. Правда, обстоятельства выдалась не слишком удачные...”

Парировал маркиз, выстраивая образ положительного персонажа – альтруиста.

Если же рассуждать здраво – старый лис наверняка приберёт ‘протезе’ как дополнительный рычаг воздействия на Талеса. Да, он искренне добивался воссоединения семьи, вот только отнюдь не с благими побуждениями.

“Именно...! Маркиз обещал мне... Анриетта! Моя дорогая... и... сегодня! Обещал моё дитя здесь...!”

Несмотря на мертвенно бледный вид и заплетающуюся речь, в глазах и голосе Анны – Марии читалась то ли радость, то ли возбуждение, граничащие с фанатизмом.

С губ же маркиза не сходила лёгкая улыбка игрока довольного разыгранной партией.

Однако,

“Где она... моя Анриетта?”

Взгляд свидетеля остервенело бегал по сторонам.

В итоге вновь вернувшись в сторону Юни.

“Где?!”

“Ам, Анна – Мария? О чём ты? Анриетта же...”

Вздрогнул граф и ранее изрядно терявшийся.

Она до предела распахнула глаза будто силась увидеть некий знак, направляющий маяк.

“Жозефина...! ...ты... злостная сука...”

“Я? Что--”

“Это ты... ты спрятала Анриетту...! Скажи... отвечай - где моя дочь...?!”

“Да что ТЫ несёшь? Она прямо перед--”

Рефлекторно попыталась оправдаться Жозефина, не ожидавшая подобного напора от той, кто ещё вчера числился мёртвой.

Юни уже собралась вмешаться, но прежде чем она успела вставить слово

“Думала меня обманет костюм прислуги...! Волосы... глаза... не важно как ты их подменила... я всегда узнаю мою родную... верни мне дочь!”

Раскатился по залу яростный визг Анны – Марии.

Заявление, одинаково ошарашившее судью, графа, Жозефину и маркиза.

Лишь Талес и, с недавних пор, Юни, звавшие правду, остались равнодушны к происходящему.

“--А знакома ли вам настоящая Анриетта.”

Пожал плечами Талес.

“Что... ты сказал?!”

Он словно не замечал ухудшающееся с каждой секундой психическое состояние женщины. Многочисленные эксперименты давно выели в нём всё касающееся эмпатии. Вероятно, своеобразной точкой, закончившей трансформацию молодого виконта стала Опус – 4. Впрочем, в этом Юни была полностью солидарна с господином. Ради него она без раздумий сделала бы и делала неоднократно раньше то, что обычные люди находят неприемлемым.

“Познакомьтесь, моя Юни. Похожа ли она на вашу дочь?”

Спросил Талес, коснувшись плеч Юни.

Тем самым доломав хлипкий заслон, едва сдерживавший радость, бурлящую в её сердце.

(‘Моя Юни’. Господин положил мне руки на плечи и назвал своей!)

Лишённая эмоций маска дала новую трещину, всё отчётливее отображая охвативший девушку экстаз.

Впрочем, пока ограничившийся одной улыбкой.

“В самом деле раб?”

“Даже родная мать не признаёт. Допустим не дочь, но как же тогда...”

“До чего мерзкая улыбка...”

“Хах... страсти накаляются.”

Поток перешёптываний попросту не доходил до ушей Юни. Только тепло от его рук, его дыхание, касающееся волос. Слова, произнесённые господином и теперь эхом отражавшиеся в её голове.

Если бы это могло длиться вечно...

Увы, Юни не дали насладиться моментом.

“Не верю!”

Вернул её к реальности истеричный крик.

“Моя милая девочка... не могла вырасти такой красавицей... я знаю... точно – точно... я же мать...”

“Что и требовалось доказать.”

Убрал руки Талес.

По – прежнему держа в уме ощущения от прикосновений рук господина, Юни присмотрелась к рыдающей матери.

Поразительно, но даже маркиз Лаваллье, инициатор действия, растерялся, похоже решив, что в найденной им оболочке не осталось ничего кроме безумия.

Чего не знал главный кукловод королевства, так это причин поведения Анны – Марии, обезумевшей не из – за лишений.

--Ей промыли мозги.

Зевнул Талес, не переставая тереть левый глаз. Да, конкретно левый. Одна из его величайших работ и главное оружие коллеги Юни.

‘Юни, теперь ты у меня в долгу.’

Раздался голос у неё внутри.

Не галлюцинации, а привычный для них способ связи – магическая телепатия.

План Д, побег из столицы. План, строившийся целиком и полностью вокруг Дрей.

Эльфийка также прибыла в столицу, заранее обеспокоившись поисками Анны – Марии по поручению Талеса.

В отличие от приготовленных Юни препаратов, демонический взгляд Дрей сильнее воздействовал на цель, вплоть до полного искажения её приоритетов.

‘Большое спасибо. Ты спасла меня.’

Горячо поблагодарила она коллегу.

‘Да что уж там. Мы все в одной лодке.’

Оборвав сеанс связи, Юни сосредоточилась на реальности происходящего.

“--Ваша честь, стараниями маркиза мы наконец закрыли вопрос личности моей слуги. Мать не признала в Юни родную дочь.”

Как бы между делом подметил Талес.

Она почувствовала удовольствие, сквозящее в голосе господина. Должно быть приятно впервые по – настоящему отомстить противнику.

Разделяла радость Талеса и Юни, учитывая сколько неприятностей принесли им пакости старика.

Что же касается Линуса? Ну, его нельзя назвать достойным противником, вроде Лаваллье, максимум кочка на дороге.

Стоит признать, маркиз умело перенёс удар, ничем не выдав свои эмоции. Он молча сидел, слушая речь Талеса и лишь дрожь в руках выдавала переживаемое Лаваллье унижение.

“Возвращаясь к началу, я уже неоднократно повторял и повторяю снова – Юни и Анриетта Пола

Картан – совершенно разные люди!”

“Возражаю! Ментальное состояние Анны – Марии сильно ухудшилось после встречи с мадам Жозефиной, её показания, данные в таком состоянии, не считаются--”

“Ох? Маркиз, не сочтите за грубость, но не запутались ли вы сами? Она – ваш свидетель, вы же знали кто инициировал процесс и, соответственно, наверняка на нём окажется. Какой смысл приводить свидетеля, не способного дать вменяемые показания?”

Цыкает

“Как – то странно игнорировать выступление свидетеля, если то не принесло пользы обвиняемому. Мы собрались здесь не для извлечения личной выгоды, а исключительно ради раскрытия правды пред лицом божьим! Как советник истца, я прошу аннулировать возражение.”

“Принято, возражение аннулировано. Хотя показания свидетеля пошли вразрез с позицией обвиняемого, произнесённое вслух становится частью дела.”

Все попытки маркиза возразить не увенчались успехом, тем не менее, нашлись в зале ещё люди, не желавшие сдаваться.

“В-возражаю!”

Кажется воссоединение с любовницей окрылило графа Картан, дав ему сил для дальнейшей борьбы.

“Разве отец способен перепутать с кем – либо родную дочь! Почему вы не берёте в расчёт меня, вынося вердикт на основании слов одной Анны – Марии.”

Впрочем, его выпаленное впопыхах заявление привело к неожиданным для графа последствиям.

“Пьер... ты мне не веришь...?”

“Ам, нет. Анна – Мария, я...”

Граф непроизвольно отшатнулся, будто почувствовав горе, вытекающее из разбитого сердца Анны – Марии.

...Отвратительно.

Подумала Юни, наблюдая за ужимками 'отца'.

С другой стороны, пока что всё идёт хорошо. Скоро они уйдут отсюда вместе с господином, вспоминая случившееся как мимолётную помеху. С точки зрения эффективности, промывка мозгов её матери окончательно склонила чашу весов в сторону Талеса.

Она выдвинулась вперёд. Необходимо покончить со стариком прежде чем тот зализет раны.

“Тогда мы обязаны вновь допросить и графа, самонаречённого отца мисс Анриетты.”

Открыла рот Юни.

“Что?”

Вздрогнул Пьер Картан. Не успевал он отойти от одного потрясения, как на него моментально сваливалось новое.

Как минимум, появления Анны – Марии никто кроме маркиза здесь не ожидал, так что Юни решила воспользоваться возникшим недоразумением, развивая успех.

“Прежде чем мы начнём, прошу вывести из зала мадам Анну – Марию.”

“По причине?”

“Я собираюсь задать мадам Жозефине несколько вопросов, касающихся событий одиннадцатилетней давности.”

Большинство зрителей удивлённо переглядывалось между собой. Да, до некоторых из них доходили определённые слухи, но никак не дающие полной картины. Очевидно, всех гложило любопытство.

Юни развернулась. Жозефина выглядела так, будто на её глазах разразился конец света. Талес же, напротив, задумчиво хмыкнул, дав Юни столь необходимый импульс для нанесения последнего удара.

(Я больше вас не подведу.)

Собравшись с мыслями, она обратилась к Жозефине.

“Пожалуйста, поведайте нам о инциденте, произошедшем между вами и мисс Анриеттой Пола Картан.”

“Я...”

“Мадам, вы же пришли сюда намереваясь защитить будущее сына и наследника, вам представилась отличная возможность сделать это.”

“Д-да, я понимаю...”

Защитные стены Жозефины пали после первого же толчка. Она бы не заговорила самостоятельно. Несмотря на сильный, даже отчасти жестокий, характер графини, ей было неприятно сознаваться в содеянном.

Всё – таки, она исповедалась, в присутствии судьи и аристократии всех мастей. Долго, с паузами и срывами, но до конца.

Во всеуслышание прозвучало описание деяний монстра, вновь и вновь истязавшего лицо шестилетней девочки, ломавшего и восстанавливающего искажённые кости.

Графу Картану и в самых страшных кошмарах не снилось то, что сотворила собственными руками его супруга. Анна – Мария всё же оставшаяся в зале, закипала с каждым произнесённым словом. Маркиз молчал.

Единственное о чём подумала Юни в процессе – жалкий вид Анны – Марии. Её никак не трогали слова Жозефины, ибо Юни давным – давно потеряла связь с воспоминаниями Анриетты.

“...Всё.”

Жозефина опёрлась о стол, тяжело дыша. Признание далось ей непросто. Достаточно посмотреть на цвет кожи, по оттенку теперь не сильно отличавшийся от Анны – Марии.

“Благодарю, мадам.”

“Ты... как ты можешь слушать это?”

“В каком смысле? Я – Юни, не мисс Анриетта. С чего бы мне сочувствовать незнакомому человеку, которому мне просто пришлось подражать.”

“Какое отношение мой рассказ имеет к суду?”

“Скоро поймёте.”

Взгляд Юни устремился в сторону зоны обвиняемого.

“Ваше мнение изменилось после услышанного?”

“Как по мне, теперь вы ещё больше походите на мисс Анриетту.”

Осторожно подметил маркиз.

“Ходят слухи, словно сэр Талес приобрёл вас сильно раненной.”

“Да, так и есть.”

Юни не могла отрицать этот факт. О её увечном состоянии знали множества слуг дома Обениэль и в особенности находящийся в зале Линус.

“То есть, травмы лица имелись у обоих.”

“Ошибаетесь.”

Тут же поправила маркиза Юни.

“Вы ведь внимательно слушали? Лицо мисс Анриетты излечили магией так, чтобы оно никогда не вернуло изначальные черты.”

“Мм--”

Маркиз нахмурился, чего не позволял себе ранее.

Юни же не спешила его отпускать.

“Прошедшие военную службу без сомнения осведомлены о стабильности или лучше сказать неизменности восстанавливающей магии. Если кость сращена без оглядки на изначальную её форму, то таковой она и останется. Только недавно в Сан - Галлене обнаружили средство, способное отчасти исправить последствия.”

“О, я, кстати, приложил руку к публикации данного открытия, а раненный мною на дуэли студент стал первым успешным случаем применения новой технологии.”

Как бы между делом ввинтился в монолог Юни Талес.

“Благодарю, господин. Кстати говоря, господин, если не возражаете, сколько лет вам было на момент обсуждаемого нами инцидента?”

“Сейчас мне девятнадцать, значит тогда было восемь.”

“Прошу прощение за беспокойство, господин, но как вы оцениваете себя как алхимика в то время, хватило ли бы вам мастерства на проведение похожей операции?”

По факту, операция увенчалась успехом, почему Юни сейчас и стоит здесь здоровая и, что важнее, красивая внешне. Но кто в здравом уме поверит, что ребёнок способен на такое? Даже в доме Обениэль, в отсутствии специалистов, могли ‘диагностировать’ только наличие травм как таковых.

Единственным более других осведомлённым свидетелем мог бы выступить рыцарь, приставленный к Талесу в день посещения рынка. К сожалению, вместе с упоминанием имя одного во время расследования о правопреемстве, бог подарил своему верному слуге бутылку великолепного креплённого вина, сопроводившего того прямиком на небеса.

“Даже господин, при всём его таланте, не справился бы с детально описанными мадам Жозефиной травмами в восьмилетнем возрасте.”

“...Учитывая, что авторство числится за сэром Талесом, я готов поверить в чудо.”

Не сдавался маркиз. Конечно же он будет придирается к любой неточности.

“Маркиз, я – первый раб и слуга господина. Ему просто не на ком было практиковаться.”

По правде говоря, Талес разрабатывал концепт на мышах. Его талант к медицине и биологии позволил восьмилетнему мальчишке провести идеальную операцию с первого дубля.

Маркиз знал это. Естественно он проверил все записи невольничьего рынка ещё в начале расследования.

Доказательств нет. Как правило, торговцев мало интересовала личность товара, особенно детей, поэтому запись о продаже раба имелась, но кем она являлась раньше – история умалчивает.

“В конце концов, если вы сомневаетесь, давайте уточним у эксперта?”

“Отличное предложение! Пора уже заканчивать этот фарс.”

Понимая на кого они намекают, граф поднялся, ожидая вопроса от Талеса.

“Граф Пьер Симон Картан, пожалуйста, разрешите наш спор – способен ли восьмилетний ребёнок на подобное? Как бывший придворный маг, ваше слово наиболее авторитетно в данном вопросе.”

Пьер Симон Картан поднялся с низов до нынешнего статуса исключительно за счёт магического таланта и пытливого ума. То есть, присутствующие легко примут его мнение за истину как самого компетентного из присутствующих.

“Невозможно. Даже рассуждать о этом глупо.”

Последовал ответ.

“Благодарю за честный ответ.”

“Гх!”

С опозданием осознав сказанное, граф спешно отвернулся.

Почему её лишённое эмоций лицо его насторожило.

Тем не менее, слово не воробей.

“Ваша честь, сам обвиняемый выступил лучшим доказательством моей правоты.”

Поклонилась судье Юни.

“Принято. Суд признаёт легитимность ваших требований.”

Звук удара деревянного молотка оповестил о окончании одиннадцатилетнего путешествия.

Вместе с тем, на колени упал граф Картан. Вся энергия будто разом покинула его. Оболочка сломленного человека, утратившего шанс вернуть дочь. На его застывшем подобно восковой маске лице то и дело вспыхивали кровавые пятна.

“Суд готов вынести вердикт.”

Заседание закончилось сокрушительной победой стороны истца.

Правда мадам Жозефине, переквалифицировавшейся из истца виновную, теперь грозили новые разбирательства, связанные с её давним преступлением. Граф Пьер Симон Картан подал в отставку, передав сыну титул и права на имущество.

Юни, признанная независимой от Анриетты Полы Картан личностью, вернулась в рабство и пускай Симона дальше предаётся романтическим фантазиям о запретном союзе, всяко лучше нежели раскрывать перед ней истинную ценность Юни. Сложно представить, что сейчас творится в голове у маркиза, положенного на лопатки девушкой и, в добавок, с рабским ошейником на шее.

“Проклятье, о чём только думал этот старый пень?!”

Не скрывал разочарования Линус. Несмотря на все его попытки самоконтроля, демоническая гримаса на лице неизбежно привлекала внимание к молодому графу.

“Мда, я был лучшего мнения о семье Картан.”

“Согласен. Ставить себя выше законов королевства? Решили в бога поиграть?”

“В тихом омуте...”

Треск

Линус заскрипел зубами с особым ожесточением.

“Милорд. Надеюсь моё замечание не показалось вам излишне грубым?”

“Грубым мне кажется бесконечная перетирка балагана, устроенного тупым братцем.”

Линус покинул зал, провожаемый неловкими смешками из числа мелких прихлебателей.

(В конце концов, здесь кроется нечто большее чем ненависть.)

Симона подобралась вплотную к правде о отношениях, связывающих братьев Обениэль. Похоже корень проблемы лежит в комплексе неполноценности Линуса.

Только поэтому он присоединился к централистам и поддался влиянию маркиза... если бы Линус только мог забыть о брате, игнорировать Талеса – его жизнь стала бы куда проще.

Однако, посоветуй Симона ему подобное и в ответ неизбежно услышит 'сразу после его смерти!'.

Упёртый баран.

Одна мысль о том, что ей придётся прожить всю жизнь с этим вечно озлобленным мужчиной невероятно на неё давила. Дабы отвлечься, Симона напоследок окинула взглядом зал. Маркиз ушёл первым, сразу же после вынесения вердикта. Кто знает, возможно они засвидетельствовали лишь первую часть плана знаменитого интригана.

Граф Картан волочил ноги по направлению к выходу. Будучи дворянином, он не сможет появляться на публике пока не смое с себя позорную метку. И какую же из дорог он сейчас выберет – сдаться и пойдёт к маркизу Лаваллье, или всё же навестит Анну – Марию?

Жозефину, бледную как смерть, окружили юристы, что – то безостановочно ей объяснявшие. Скорее всего её ждёт домашний арест вплоть до следующего заседания.

Талес и Юни...

“Юни, подними голову, всё же закончилось хорошо.”

“Господин, я подвела вас.”

“Ну вставай уже, хватит ставить меня в неловкое положение.”

Талес всеми силами пытался поднять Юни с пола. Наблюдая за этой комичной ситуацией, Симона сама не заметила как её губы растянулись в улыбке. Сейчас они совсем не походили на двух актёров, превративших суд в односторонний спектакль.

“...Господин, словами не выразить мою признательность. И всё же остаётся множество моментов, которые мне нужно искупить.”

“Юни, всё хорошо. Прекращай.”

(По – крайней мере Талес перестанет жаловаться на плохо заваренный чай.)

Подумала Симона, шагнув за порог.

Ей вспомнилось ворчание Талеса по поводу кривых пропорций напитка и исходящий от чайника пар, с определённого ракурса придававший ему мечтательное выражение лица. Выражение человека, с нетерпением ждущего чьего – то возвращения.

Что ж, пожелание Симоны исполнилось. В глубине сердце она надеялась когда – нибудь встретить человека, хоть вполонину также верящего в неё. Что ж, пускай история в её воображении имела мало общего с реальностью, но так ли это важно, если придуманный ей расклад давал Симоне сил двигаться дальше.

Покачав головой, Талес потянулся в карман.

Достав новый ошейник.

Ошейник, взамен утраченного неделю назад.

“Ты ведь не думаешь, что после всех пережитых неудобств, я просто так тебя отпущу?”

“Нет, господин. Не думаю.”

“Тогда подними уже голову и посмотри на меня.”

“Да, но прежде...”

Юни опять опустилась на колени.

“Не могли бы ещё раз даровать мне рабство? Клянусь, я никогда больше вас не подведу.”

“Мне то не сложно, только тут люди... а, ладно, давай по – быстрому.”

“Большое спасибо, господин. Тогда...”

С разрешения Талеса, она повторила клятву.

“Ваш раб Юни никогда не пойдёт вам наперекор, не сбежит, не перестанет служить и защитит от любой опасности... Примет ли господин мою клятву как подтверждение вечной службы?”

Хотя Юни не повышала голос, каким – то образом её слова долетели до слуха Симоны, вышедшей в коридор.

Скромная фигура со сложенными вместе руками и полуприкрытыми ресницами глазами.

Она очень походила на монахиню в молитве.

“Прекрасно, я принимаю клятву.”

В соответствии с обычаями, Талес протянул левую руку ладонью к земле.

А Юни, в свою очередь, поцеловала тыльную сторону. Серебряный ободок, в тот же момент оказавшийся на её шее, захлопнулся, словно ставя защитную печать на этом поцелуе, скрепившим её клятву.

Щелчок

Звук застёгнутого ошейника также стал своего рода эпилогом драмы, разворачивавшейся на протяжении всей недели.

Несмотря на неуместную обстановку и множество лишних глаз, ритуал выглядел необычайно органично. Возможно причина в том, что сами участники действия считали его совершенно естественным? Симона, не далеко отходя от темы, провела собственные ассоциации с увиденным.

“Как на свадьбе...”

Будто бы с трудом отведя взгляд от кончиков пальцев Талеса, Юни, с мечтательным выражением на лице, подходящим больше охмелевшей невесте, погладила воротник, прикрывающий ошейник.

“Омерзительно. Вот и называй теперь суд священным местом.”

С негодованием прошептал себе под нос Линус...

Тем самым разрушив для Симоны иллюзию сказочной свадьбы.

Похоже они оба шокированы и по - своему завидуют. Она приподняла левую руку.

Впившись взором в опоясывающее палец платиновое кольцо.

Платина против серебра. Кольцо против ошейника. Брат против брата. Жена против раба.

Две женщины в одном доме, похожих цветов, но разных оттенков, живущих рядом друг с другом и всё же в разных мирах.

--И кто из них счастливее?

Прекрасно осознавая тщетность заданного ею немомго вопроса, тяжело вздохнув, Симона отвернулась.

Юни вернулась домой вместе с господином, блистая новым ошейником.

“Прошу прощения за доставленные неудобства. Я, к моему стыду, вернулась.”

“Добро пожаловать, милорд, главная горничная.”

С улыбкой поприветствовал их Лоуберт.

“...Да.”

Даже не повернувшись в сторону вошедших, кивнул головой Дью.

Естественно столь многословное приветствие вызвало у Талеса вопросы.

“Ну и странную ты рожу скорчил, Дью. Неужели не рад возвращению Юни?”

“Ага, ага. Не менее странную, чем то, что творится у вас в голове.”

“Хорошо, сегодня обойдёмся без дуэли остроумия.”

Оставив разборки на потом, Талес с наслаждением откинулся на спинку ближайшего дивана. Он конечно старался не подавать виду, но похоже последняя неделя далась ему непросто.

Из приятных же моментов, теперь ему не придётся контролировать процесс приготовления чая.

“Учитывая обстоятельства, я отдала предпочтение ромашке.”

“Благодарю, Юни. Как всегда восхитительно.”

“Я не заслуживаю похвалы господина...”

Где - то на заднем плане тяжело вздохнул Дью.

Всё вроде бы закончилось хорошо, однако, он не мог перестать думать. Со слов Талеса, Юни вернулась бы к ним в восьмидесяти процентов случаев, только как дьявол подери этот процент образовался? Не в силах найти ответ, у Дью никак не получалось расслабиться.

“Ам, господин. Как долго вы это планировали?”

“Не суть важно, главное, что я уверился на девяносто процентов в успех предприятия, когда со мной связалась Дрей и рассказала про Анну – Марию, найденную маркизом.”

Неожиданный поворот.

“Да вы издеваетесь...”

Уголки губ Дью подёрнулись.

Быть такого не может. Разве это не очередной многоступенчатый, кропотливо подготовленный, план? Он отказывался верить в череду случайностей.

“Думаешь я лгу? Так как телепортационная сеть доставила Дрей в столицу раньше крайнего срока, у неё образовалось свободное время, не занятое планом Д. Вот я и подумал, почему бы не проверить оппонента.”

“Сэр, боюсь Дью не заглядывал так далеко. Ему, да и мне, интересна скорее ‘автономность’ главной горничной на протяжении последней недели.”

Подключился Лоуберт.

“Именно.”

“Так это же элементарно.”

Задумчиво пробормотал Талес, окутанный парами, выходящими из чайника.

“Я знаком с Юни одиннадцать лет, уж кого – кого, а её мне за ручку водить не обязательно.”

Как само собой разумеющееся ответил Талес. Он и правда не видит в подобном ничего сверхординарного?

Ради господина, она предала родителей, сводного брата, в добавок объединившись с кровным врагом её матери.

Никаких излишков?

Потерял дар речи Дью, поражённый уверенностью Талеса.

Яблоко от яблони. Юни действительно выставила на посмеище отца, не поведя и бровью при встрече с обезумевшей матерью. И всё ради воссоединения с господином.

“Познакомившись с биографией некоторых видных аристократов, я обнаружил парочку заметок о любовницах и любовниках, понадеявшись использовать их если кто пристанет на свадьбе. Так оно вышло с графом Картан, обижать которого нам было не слишком выгодно.”

Продолжил монолог Талес, смочив губы чаем.

“Конечно же, Юни заметила странность моего поведения. Всё – таки мы вместе одиннадцать лет. Зная подноготную семейки, я попросил мадам прибыть в суд. А так как от недостатка сообразительности Юни никогда не страдала, с дальнейшими шагами она справилась без моего участия.”

Забавно, но хотя в их ‘команде’ главным по около – боевым вопросам считался Дью, Юни его полностью уделала. Не говоря уже о превосходных навыках шпиона, выдающемся магическом таланте и алхимическом опыте. Сбежать из поместья, собрать ингредиенты и найти бывших слуг семьи – детские игры для неё.

Ну а при наличии гипнотических препаратов собрать необходимые сведения не составит труда.

“Что ж. Понятно, весьма познавательный рассказ.”

“...Понятно.”

Поддакнул Дью, не желавший выглядеть единственным в комнате дураком.

“Значит вы с неохотой передали главную горничную графу, дабы выиграть время на подготовку? А фальшивые доказательства для суда, соответственно, появились после?”

“Мухлюют злодеи. Здесь несколько иной момент. Если бы я не сопротивлялся, то выглядел бы подозрительно. Только и всего.”

“Я впечатлён. В кратчайшие сроки найти выход из западни.”

“А причём тут время? Как ты верно подметил, от заявления графа прямо – таки смердело ловушкой. Он выше меня статусом и имел большую поддержку, а выслушав его историю мне

удалось отметить контр – пункты для обратного удара. Вроде не худший подход?”

“Честное слово, вы безумец каких поискать. По сравнению с вами маркиз просто муравей, никогда не выбиравшийся дальше своего муравейника.”

Талес покачал головой, иронично ухмыльнувшись.

“Так себе шутка. Когда оппонент держит все козыри под столом, у тебя нет выбора кроме как ударить в последний момент, ограничив план лишь общими чертами. Иначе – всё развалится.”

Когда маркиз уже праздновал победу, Талес моментально снёс его с ног.

“В дальнейшем мне придётся тщательней обдумывать стратегию. Возможно наш следующий враг окажется более внимательным.”

А то что враг появится, нет никаких сомнений.

Недоброжелателям, базирующимся в столице, не удалось внедрить шпионов в Марлан, так что они решили прихлопнуть надоедливого комара, предварительно подманив его поближе. Сложно представить степень их удивления, когда комар показал ядовитое жало.

Задетые атакой Талеса аристократы рано или поздно восстановятся, преисполненные решимостью вернуть должок.

“Простите. Это моя вина--”

Талес махнул рукой, хмыкнув. Вряд ли ему хотелось повторения недавно увиденной сцены самобичевания.

“Говорю же, всё в порядке. Не заставляй меня снова поднимать тебя. Маркиз публично повержен и это твоя заслуга.”

Погладил голову Юни он.

“Господин.”

“Хорошая девочка, хорошая. Папа тобой гордится.”

Глупо пошутил Талес, заработав косой взгляд со стороны слуг.

Психопат, погубивший сотни не факт что заслуживающих такой участи душ и проклятая девушка, пролившая литры крови, поставившая крест на своей семье ради него.

Дью в очередной раз покачал головой, не переставая поражаться этой парочке.

“Главное... что вы счастливы.”

Ответила то ли также сарказмом, то ли совершенно искреннее ему Юни.

Не переставая улыбаться.

“Вот и договорились.”

Улыбкой невинного дитя. Улыбкой, за которой скрывалась бездонная пропасть.

“Всё же я самая счастливая в мире.”

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/2797/776872>